У войны не женское лицо

воспоминания ветеранов

Война тяжелым грузом легла на плечи нашей страны. Это было дело не только отважных мужчин, но и хрупких женщин, которые отправлялись на фронт и били врага. Когда началась война, огромное количество молодых девушек со всей страны пришли в военкоматы, чтобы наравне с мужчинами отправиться на защиту Родины.

Большинство из них даже не представляли себе тех тягот, которые им преподнесла настоящая **война**.

"Организовали курсы медсестер, и отец отвел нас с сестрой туда. Мне - пятнадцать лет, а сестре - четырнадцать. Он говорил: «Это все, что я могу отдать для победы. Моих девочек...»

Другой мысли тогда не было. Через год я попала на фронт..."

"Меня мобилизовали, я была врач. Я уехала с чувством долга. А мой папа был счастлив, что дочь на фронте. Защищает Родину. Папа шел в военкомат рано утром. Он шел получать мой аттестат и шел рано утром специально, чтобы все в деревне видели, что дочь у него на фронте..."

"Нам сказали одеть все военное, а я метр пятьдесят. Влезла в брюки, и девочки меня наверху ими завязали".

"Один раз ночью разведку боем на участке нашего полка вела целая рота. К рассвету она отошла, а с нейтральной полосы послышался стон. Остался раненый. "Не ходи, убьют, - не пускали меня бойцы, - видишь, уже светает". Не послушалась, поползла. Нашла раненого, тащила его восемь часов, привязав ремнем за руку. Приволокла живого. Командир узнал, объявил сгоряча пять суток ареста за самовольную отлучку. А заместитель командира полка отреагировал по-другому: "Заслуживает награды". В девятнадцать лет у меня была медаль "За отвагу". В девятнадцать лет поседела. В девятнадцать лет в последнем бою были прострелены оба легких, вторая пуля прошла между двух позвонков. Парализовало ноги... И меня посчитали убитой... В девятнадцать лет... У меня внучка сейчас такая. Смотрю на нее - и не верю. Дите!"

"Делали до двенадцати вылетов за ночь. Я видела знаменитого летчика-аса Покрышкина, когда он прилетал из боевого полета. Это был крепкий мужчина, ему не двадцать лет и не двадцать три, как нам: пока самолет заправляли, техник успевал снять с него рубашку и выкрутить. С нее текло, как будто он под дождем побывал. Теперь можете легко себе представить, что творилось с нами. Прилетишь и не можешь даже из кабины выйти, нас вытаскивали. Не могли уже планшет нести, тянули по земле".

"Под Сталинградом... Тащу я двух раненых. Одного протащу - оставляю, потом - другого. И так тяну их по очереди, потому что очень тяжелые раненые, их нельзя оставлять, у обоих, как это проще объяснить, высоко отбиты ноги, они истекают кровью. Тут минута дорога, каждая минута. И вдруг, когда я подальше от боя отползла, меньше стало дыма, вдруг я обнаруживаю, что тащу одного нашего танкиста и одного немца... Я была в ужасе: там наши гибнут, а я немца спасаю. Я была в панике... Там, в дыму, не разобралась... Вижу: человек умирает, человек кричит... А-а-а... Они оба обгоревшие, черные. Одинаковые. А тут я разглядела: чужой медальон, чужие часы, все чужое. Эта форма проклятая. И что теперь? Тяну нашего раненого и думаю: "Возвращаться за немцем или нет?" Я понимала, что если я его оставлю, то он скоро умрет. От потери крови... И я поползла за ним. Я продолжала тащить их обоих... Это же Сталинград... Самые страшные бои. Самые-самые. Не может быть одно сердце для ненависти, а второе - для любви. У человека оно одно".

"Первая медаль "За отвагу"... Начался бой. Огонь шквальный. Солдаты залегли. Команда: "Вперед! За Родину!", а они лежат. Опять команда, опять лежат. Я сняла шапку, чтобы видели: девчонка поднялась...

И они все встали, и мы пошли в бой..."

Я только раз видала рукопашный,
Раз - наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне!

(Юлия Друнина)